

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

80 ЛЕТ ТУВИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

К. А. Бичелдей¹

Аннотация: Статья, которая легла в основу доклада автора на пленарном заседании Международной научной конференции «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона», посвященная 80-летию тувинской письменности (1 июля 2010 г., г. Кызыл).

Ключевые слова: тувинский язык, письменность, история, филология, современность.

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE TUVAN WRITTEN LANGUAGE: FORMATION, DEVELOPMENT, PERSPECTIVES

K. A. Bicheldey

Abstract: This article has become a basis for the author's report on International Scientific Conference "Tuvan written language and issues of researching written languages and epistolary monuments of Russia and Central Asian region", devoted to 80th anniversary of Tuvan written language (Kyzyl, July 1-4, 2010).

Keywords: Tuvan language, written language, history, philology, modern age.

За всю длительную историю существования тувинского этноса (точнее, от средневековья до современности) применялось немало различных по происхождению и обли-

---

¹ Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич — доктор филологических наук, директор Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва, член редакционного совета журнала «Новые исследования Тувы».

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2544-bicheldey.html

ку письменных систем для записи. Ныне известны тексты на древнетюркском (древнеуйгурском), старомонгольском, тибетском, латинском, кириллическом (русском) алфавитах.

Как известно, тувинский язык — один из тюркских языков. Конечно же, ему не чужды древнетюркские тексты. Тем более, что в бассейне Енисея — в его верховьях, в пределах Саянского нагорья, т.е. на территории современной Тувы, по среднему течению — в Минусинской котловине, главным образом на территории Республики Хакасия, — обнаружено, начиная с XVIII в., значительное число (теперь уже — свыше 150) памятников тюркского рунического письма. В Туве из общего числа в 71 надпись на отдельно стоящих камнях, исключая надписи на скалах и на предметах, пригодными для текстологического анализа, т.е. содержащими хотя бы одно достоверно читаемое слово, можно признать 64. В Хакасии из общего числа в 24 эпитафийные надписи пригодны для текстологического анализа — 21. Памятники обоих регионов и всех внутрирегиональных групп написаны на одном и том же — едином литературном языке древнетюркского мира. Древнетюркский литературный язык обладал структурными признаками *g*-языка, иными словами, в его основу положен диалект или диалекты, генетически близкие или тождественные, прежде всего, диалектам древнеуйгурского языка, а также диалектам — предкам современного тувинского, тоже *g*-языка.

Письменность, представленная, прежде всего, памятниками орхоно-енисейского письма, — алфавитная, знаки ее передают отдельные звуки или сочетания звуков. В клас-

сическом орхонском алфавите 38 графем, с учетом региональных и хронологических вариантов — 50 графем, часть из них малоупотребительна или уникальна (Кормушин, 1997: 17).

Живые тюркские диалекты в VIII—X вв. уже обладали определенными различиями, в качестве письменного языка они все же использовали единое в своей основе наддиалектное койне. Поэтому язык памятников рунического письма до недавнего времени называли обобщенно — древнетюркским. В целом, можно говорить о четырех локально-хронологических вариантах древнетюркского языка:

- а) собственно древнетюркский (орхоно-тюркский), первой половины VIII в.;
- б) уйгуро-древнетюркский (древнеуйгурско-рунический, древнеуйгурский старшей поры);
- в) кыргызско-древнетюркский (енисейско-тюркский), VIII/IX—X вв.;
- г) древнеуйгурский (младшей поры), из Восточного Туркестана конца IX — начала X вв.

Исторические и социальные изменения, связанные с падением древнетюркского каганата, привели к настолько полному забвению этой письменности, что наука была вынуждена заново открывать ее.

Большой интерес в области тувинской письменности представляет вопрос о бытовании на территории Тувы старописьменного монгольского языка, которым тувинский народ, не имевший собственной национальной письменности, пользовался в официальной и личной переписке в те-

чение нескольких столетий, начиная примерно с XVII—XVIII вв. и вплоть до 30-х г. XX в. Поэтому, когда говорят, что тувинский народ был бесписьменным до 30-х г. XX в., «бесписьменность» следует понимать в относительном плане — в плане отсутствия до определенного времени именно национального тувинского письма на основе самого тувинского языка (Бичелдей, 2000: 121).

Особенности старомонгольского письма — это написание текста сверху вниз, строки читаются слева направо, причем каждая буква пишется в разных вариантах, в зависимости от позиции, которую она занимает в слове. Старомонгольское письмо — письменность, созданная на основе уйгурского алфавита. Старомонгольский алфавит состоит из 29 букв, из них 7 — гласных и 22 — согласных, все они являются производными от 14 основных знаков уйгурского алфавита, который практически до XVI в. сохранялся у монголов в том виде, в каком был заимствован, и лишь на рубеже XVI—XVII вв. в него были внесены значительные заимствования (Лингвистический..., 1990: 307).

В первые же годы после образования тувинской национальной государственности остро встал вопрос о создании тувинской национальной письменности, как о необходимом и первом условии развертывания культурного строительства и, в конечном счете, — политического и экономического развития страны. В то время функцию письменного языка, как отметили выше, выполнял старописьменный монгольский язык, на котором велось делопроизводство, издавалась в весьма ограниченном количестве литература и

документация (главным образом, решения центральных партийных и государственных органов), с 1925 г. выпускались газета «Унэн» («Правда») и журналы «Хувьсгалт ард» («Революционный арат»), «Хувьсгалт залуучууд» («Революционная молодежь») (Монгуш, 1967: 96).

Но монгольский язык не мог стать литературным (письменным) языком в Туве. Старописьменным монгольским языком к концу 1920-х гг. владело менее 1,5% тувинского населения. К тому же и среди грамотной части населения уровень знания этого языка был низким. Монгольской грамотой владела, главным образом, феодальная знать и чиновничество. Абсолютное большинство тувинцев (за исключением жителей некоторых местностей юго-восточной части Тувы, где сохранилось тувинско-монгольское двуязычие до сих пор) не знало монгольского языка, издавна говорило только на своем родном языке.

Известно, что с проникновением в Туву буддизма в XVIII в. его служители из числа местных жителей обучались тибетскому языку, овладевали письменностью. При этом среди служителей буддизма знание тибетского языка было более распространенным, чем владение старописьменным монгольским языком. Например, письменный монгольский язык знало только 7 из 33 делегатов «буддийского съезда», тогда как все они могли читать по-тибетски (Материалы по ламскому...). В силу известных причин история использования тибетского письма, вопросы археографии оставались неисследованными.

В настоящее время в Туве вновь возрождается буддизм, появились молодые люди, получившие образование в Индии, где в крупных тибетских буддийских монастырях с 1990-х гг. обучается определенное количество тувинских юношей, некоторые из которых вернулись в Туву с хорошим знанием тибетского языка. Работают вот уже более десяти лет приглашенные тибетские ламы: Лобсан Тубтен, Такпа Гьяцо, Пенде Гьялцен. Таким образом, стало возможным обратиться к их помощи и работать в архивах. К данному моменту проведена инвентаризация рукописей на тибетском языке в архивах Национального музея им. Алдан Маадыр РТ. Подобный архив имеется в Тувинском институте гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва. Достаточно много их в руках у населения республики и ныне вновь созданных и действующих монастырях.

Изучение рукописей, созданных в Туве на тибетском языке (или, возможно, на тувинском языке с использованием тибетского письма), представляет определенный интерес и для истории, и исторической грамматики тувинского языка.

В конце августа 1999 г. тибетский лама Лопсан Тубтен, живущий в Туве с 1996 г., сообщил, что у него имеется небольшая сутра, по всей видимости, написанная жителем Тувы. Свое предположение подтвердил тем, что в сутре имеются названия ряда местностей Тувы, которые почитаются как святыни. Первый перевод и знакомство состоялось в присутствии главного научного сотрудника Института языкознания РАН, доктора филологических наук Игоря Валентиновича Кормушина, приехавшего тогда в экспедицию и

для чтения лекций в ТывГУ. Затем в декабре 1999 г. почтенный Лопсан Тубтен сообщил, что у него есть еще две сутры, которые также предположительно написаны в Туве. Как полагает геше, эти сутры религиозного содержания написали местные ламы, хорошо знающие тибетский язык и тибетское письмо (Тубтен, Бавуу-Сюрюн, 2000: 19).

Как известно, в процессе ликвидации неграмотности, начавшемся в первые годы после установления советской власти, особые сложности возникли с обучением грамоте населения, пользовавшегося арабским, старомонгольским, тибетским и др. письменностями, не приспособленными к фонетическим системам соответствующих языков (тюркских и др.). Возникшее движение за переход на новый алфавит (на латинской основе) активизировало усилия ученых по разработке проектов такого алфавита. В 1924 г. различные проекты алфавитов для тюркских языков были обсуждены в Радловском кружке при музее антропологии и этнографии Российской АН и Лингвистической секции Нефилологического общества при ЛГУ. Для подведения итогов дискуссий и разработки применения латинского алфавита была образована комиссия во главе с академиком Л. В. Щерба. В 1926 г. в Баку на 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде, посвященном вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов, был создан Центральный комитет нового тюркского алфавита, впоследствии преобразованный во ВЦКНА. В задачи ВЦКНА входило также создание алфавитов для бесписьменных народов СССР. В результате деятельности ВЦКНА 20 народов СССР перешли

на «новый алфавит», 50 народов впервые в истории получили письменность (Лингвистический..., 1990: 89—90).

Над проектами тувинской письменности на основе новотюркского алфавита, как вспоминал А. А. Пальмбах в своем выступлении на научной конференции, посвященной 30-летию тувинской письменности (1960), работа велась параллельно в Москве и Ленинграде. Она выполнялась такими известными учеными-лингвистами, специалистами по восточным языкам, уже имевшими опыт работы над национальными письменностями, как Евгений Дмитриевич Поливанов (Москва) и Николай Николаевич Поппе (Ленинград).

В Ленинграде работа над проектом тувинской письменности проводилась в Тюркологическом кабинете Института языка и мышления АН СССР под руководством С. Е. Малова. «Были установлены фонетические особенности современного тувинского языка и с учетом этих особенностей разработан проект алфавита на основе НТА» (новотюркского алфавита).

Как отмечает Б. И. Татаринцев, А. А. Пальмбах не случайно опустил здесь имя того исследователя, который установил фонетические особенности тувинского языка и создал проект тувинского алфавита. Это было имя Н. Н. Поппе, которое в 1960 г. нельзя было упоминать «открытым текстом». Вместе с тем, о Поппе как исследователе звукового строя тувинского языка в связи с проектированием им тувинского алфавита на основе НТА прямо сказано в кандидатской диссертации А. А. Пальмбаха «Опыт изучения тувинской письменности в связи с условиями образования и

развития национального литературного языка», защищенной 10 мая 1941 г., когда имя Н. Н. Поппе еще не находилось под запретом.

В своей статье о тувинском алфавите, опубликованной в 1929 г., Н. Н. Поппе указывал, что поводом к ее написанию явилось обращение Правительства Танну-Тувинской Народной Республики (Тувинской Народной Республики) в Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР с просьбой оказать содействие в деле создания тувинской письменности. По этому вопросу НКВД обратился в Академию наук, которая и поручила разработку этого вопроса Н. Н. Поппе (Татаринцев, 2000: 71).

Время указанного обращения пока точно неизвестно. Известно другое: созданию тувинской письменности на основе латиницы предшествовал проект на русской графической основе, реализованный в «Букваре для тувинских детей», который был подготовлен в ТНР Бузыкаевым и Брюхановым и изданный в Москве издательством народов Востока в 1927 г. тиражом в 4 тысячи экземпляров. Прежде всего, этот учебник интересен тем, что в нем отражен звуковой состав тувинского языка, его основные отличия от звуков русского языка путем выделения некоторых букв при помощи диакритических знаков, не выходя из рамки русского алфавита. Предложенный авторами алфавит явился прообразом современного тувинского алфавита на основе русской графики (Бичелдей, 2000: 121 – 123).

Важной причиной отказа от уже готового и изданного в достаточно большом количестве экземпляров учебника явля-

ется, с одной стороны, массовый переход в 1930-х гг. бесписьменных и младописьменных тюркоязычных народов на графику на основе латиницы, с другой стороны, важное значение имело мысль о неприемлемости русского алфавита для тюркских народов, так как этот алфавит исторически связан с русификаторской политикой царской России. Активным сторонником латинизации не только тюркских, но и русского письма был А. В. Луначарский. Он приводил свои воспоминания о беседе с Лениным, в которой обнаружилась полная поддержка идеи латинизации русского письма. Ленин, по словам Луначарского, говорил так: «Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно».

Дело не ограничилось обсуждением, были сделаны даже некоторые практические шаги. Так, в 1929 г. Народный Комиссариат просвещения РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита. В протоколе заседания этой комиссии от 14 января 1930 г. читаем: «Признать, что латинизацию русского алфавита следует понимать как переход русской письменности и печати на единый для всех народов СССР интернациональный алфавит на латинской основе — первый этап к созданию всемирного интернационального алфавита. Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе — неизбежен» (Выдрин, 2005: Электр. ресурс).

Поэтому для тувинского языка переход на графику на основе русского алфавита в тот момент был бы преждевре-

менным актом, что и определило отказ от данного варианта. Проект Н. Н. Поппе ранее получил официальное одобрение, но затем от него отказались. Одной из причин отказа явилось, по-видимому, то, что со второй половины 1920-х гг. тюркоязычные народы (в основном те, что жили на территории СССР) в массе своей начали переходить на латинизированные письменности, которые создавались на общей основе — едином новотюркском алфавите (НТА), разработанном советскими учеными, и руководство ТНР решило последовать примеру других.

Исходя из сказанного, можно предположить, что то обращение в НКВД, о котором упоминал в своей статье Н. Н. Поппе, было направлено примерно в конце 1927 — начале 1928 г. Именно в 1927 г. руководство ТНР приняло решение о разработке национальной письменности, или, как тогда предпочитали говорить, государственной письменности.

Власти ТНР, вернее, ее провосточное направление (с ориентацией на Монголию и опору на собственные силы), дали задание создать латинизированную письменность тувинским ламам, в первую очередь Монгушу Лопсан-Чимиту и его товарищам. Проект алфавита Лопсан-Чимита коренным образом отличался от проекта Н. Н. Поппе. В частности, он имел иную основу, нежели последний, созданный, как уже упоминалось, на основе новотюркского алфавита (НТА).

По неясным причинам Лопсан-Чимит не пошел по этому пути: он разработал свой проект на основе одного из действующих западноевропейских алфавитов. По словам

Куулара Дондука, «он (Лопсан-Чимит) взял за основу современный немецкий алфавит, внес в него кое-какие изменения ... и составил новый тувинский алфавит».

Следует сказать, что изменения оказались значительны. Изменен был уже сам порядок букв: в алфавите Лопсан-Чимита идут сначала все гласные (10 букв), а затем — согласные (18 букв). Подобный порядок характерен для алфавита старописьменного монгольского языка, а также и для других восточных алфавитов. Кроме того, было сильно изменено международное чтение (значение) ряда букв.

Вследствие подобной специфики алфавит Лопсан-Чимита значительно отделился от своей основы — одного из западноевропейских алфавитов. Вместе с тем, этот проект оказался также далек и от систем письма, разработанных на основе новотюркского алфавита, что, наряду с резким обострением политической борьбы в 1929 г., определило дальнейшую судьбу проекта.

Сторонники просеверного (просоветского) направления, как отметили выше, обратились в Наркомат иностранных дел СССР с просьбой оказать содействие в деле создания такой письменности. Наркомат в связи с этим обратился в Академию наук СССР, руководство которой дало соответствующие поручения ученым.

В Москве, как отмечал А. А. Пальмбах, разработку проекта тувинской письменности вели Лингвистическая комиссия Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) и кафедра родных языков Коммунистического университета

трудящихся Востока (КУТВ) под руководством известного лингвиста-полиглота Е. Д. Поливанова.

Е. Д. Поливанов, как и Н. Н. Поппе, тоже активно участвовал в языковом строительстве. Ему принадлежит более двадцати работ по истории и практике латинизации письменностей. Он создал и первый проект латинизированной письменности для узбекского языка.

Е. Д. Поливанов разработал также и проект тувинской письменности, а на его основе — букварь, работа над которыми велась зимой 1928—1929 гг. и названия которых отражены в списке найденных работ Е. Д. Поливанова.

Что произошло с указанными работами по тувинскому языку, точно не известно. На их судьбу могли повлиять некоторые обстоятельства жизни Е. Д. Поливанова. В конце 1928 — начале 1929 гг. он выступил против так называемого «нового учения о языке» академика Марра, которое, в духе того времени, считалось «революционным» и «марксистским», после чего Поливанов подвергся травле и репрессиям, был смещен со всех занимаемых им должностей и вынужден уехать в Среднюю Азию. В 1937 г. Е. Д. Поливанов был арестован, а в начале 1938 г. — погиб.

Н. Н. Поппе в конце 1928 или начале 1929 гг. закончил работу над проектом тувинского алфавита, получившего одобрение Совета Тюркологического кабинета, после чего он 21 февраля 1929 г. через Наркомат иностранных дел был передан в Полпредство ТНР в Москве. В том же году была опубликована статья Н. Н. Поппе «Заметки по фонетике танну-тувинского языка в связи с вопросом об алфавите»,

где содержалась характеристика основных звуков (фонем) тувинского языка и их письменные фиксации, приводился сам алфавит, а также излагались соображения по тувинской орфографии.

Между тем отношение к проекту Н. Н. Поппе со стороны руководства ТНР изменилось (с учетом также работ Е. Д. Поливанова). В первой половине 1930 г. было завершено создание тувинской национальной письменности. На заключительном этапе Н. Н. Поппе и работники КУТВа трудились над проектом тувинской письменности уже совместно, о чем можно судить, в частности, по материалам архива А. А. Пальмбаха, где сохранился написанный его рукой и относящийся, скорее всего, к 1930-м гг. набросок структурного плана главы монографии (первоначального варианта диссертации?), одним из пунктов которого значится «Проект тув/инского/ алфавита Поппе и КУТВа». Работа велась при участии тувинцев-студентов КУТВа и включала в себя разработку правил орфографии и составление учебных пособий (Татаринцев, 1993: 18).

В июне 1930 г. в Туву прибыла специальная научная экспедиция, которую возглавлял проректор КУТВа Л. Д. Покровский и которая привезла с собой готовый проект письменности и тираж букваря для взрослых (более 4 тыс. экземпляров). После обсуждения проекта и внесения некоторых дополнений в алфавит 28 июня 1930 г. был издан декрет о введении тувинской национальной письменности. Эта дата широко отмечается общественностью Тувы, хотя история письменности на введении латиницы здесь не завершается.

Создание тувинской национальной письменности является выдающимся событием в истории тувинского народа (Аранчин, 1971: 23). Отмечая его юбилей, мы с благодарностью должны вспоминать тех, кто стоял у колыбели тувинской письменности, кто вложил свой труд в дело ее создания и внедрения. Это, прежде всего, непосредственные участники составления, обсуждения и принятия разных проектов тувинского алфавита московские и ленинградские ученые Н. Н. Поппе, Е. Д. Поливанов, С. Е. Малов, Н. Ф. Яковлев, К. А. Алавердов, А. А. Пальмбах и др. и помогавшие им, учившиеся в то время в СССР тувинские студенты С. Лопсан, Н. Товарищтай, Бугажык, Д. Данзын-оол и др. Это и создавшие свой проект тувинского алфавита тувинские ламы М. Лопсан-Чимит и Севээн. Это организаторы работы в Туве по внедрению национальной письменности — председатель Комитета государственной письменности О. Ч. Данчай, министр культуры С. К. Тока и др. Это авторы тувинских букварей и учебных пособий по тувинскому языку, выходивших в разное время, А. И. Москалев, А. А. Соколов, К. А. Алавердов, П. Сат (Сат Бугажык), А. М. Сухотин, С. Д. Танов, С. С. Лопсан, М. Д. Биче-оол, С. А. Сарыг-оол, Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, Л. Б. Чадамба, А. М. Белек-Баир, И. Ч. Эргил-оол, Х. С. Алдын-оол, Ш. Ч. Сат, В. С. Чылбак, А. А. Алдын-оол, К. Б. Март-оол и др. Это многочисленные культурмейцы 1930-х гг., которые руководили кружками по изучению тувинской письменности. Это работники печати, издававшие газеты и книги.

Письменность на латинизированной основе просуществовала в Туве около полутора десятков лет. Она сыграла важную роль в повышении грамотности тувинцев до 85% к 10-летию тувинской письменности — к 1940 г. вместо 1,5% в конце 1920-х гг., когда в Туве существовал в качестве письменного старописьменный монгольский язык. Новая письменность дала возможность организовать на тувинском языке обучение детей в школах, издание газет и книг, делопроизводство на местах и в центре, благодаря ей начала зарождаться современная тувинская литература. В целом латинизированная письменность явилась весьма важным этапом в развитии тувинской письменности. Но она сегодня представляет для нас главным образом исторический интерес (Монгуш, 2001: 4).

В 1941 г. руководство ТНР приняло решение о переводе тувинской письменности с латинизированной на русскую графическую основу, т.к. в 1936—1941 гг. «новый алфавит» для большинства языков СССР был заменен алфавитами на основе русской графики. Затем несколько лет шла подготовительная работа к переходу к новому алфавиту.

На самом деле русский алфавит совсем не чужд для тувинского языка. Ведь кириллица уже использовалась не только в проекте Бузыкаева и Брюханова, но и в конце XIX в. русскими учеными-языковедами В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым при написании тувинских слов с помощью так называемой русской академической транскрипции, известной под названием «радловской».

Что касается последнего варианта алфавита на основе русской графики, то ее разработку проводила в Туве специально созданная комиссия, научное руководство осуществлялось А. А. Пальмбахом, сыгравшим в создании письменности на русской (кириллической) основе главную роль. Окончательный переход тувинской письменности на указанную основу состоялся в 1944–1945 гг., к моменту вхождения Тувы в состав СССР.

Как пишет Д. А. Монгуш, 10 июля 1941 г. ЦК ТНРП и Совет Министров ТНР утвердили новую письменность на основе русского алфавита. Полный перевод тувинской письменности на русскую осуществлен в середине 1940-х гг., когда Тувинская Народная Республика уже вошла в состав России (СССР) (Монгуш, 2001: 4). Алфавит новой письменности содержит в себе 36 знаков — взяты все буквы русского алфавита и добавлены к ним 3 знака (ң, ө, ү): а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, ң, о, ө, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я. Отметим, что именно тувинская графика на основе кириллицы в течение почти 70 лет достаточно успешно выполняет свою функцию — быть тувинским национальным алфавитом, единообразно используемым как система тувинской письменности, и всецело обслуживает любую печатную продукцию на тувинском языке наравне с функцией быть графической основой всех видов рукописных записей любой формы и содержания на тувинском языке. Таким образом, в настоящее время нет оснований бить тревогу о том, что действующая тувинская

графика не справляется или плохо справляется со своей основной функцией.

Проблема графики в другом: в свое время при создании тувинского алфавита на основе русской графики, кроме чисто лингвистического подхода, в плане использования фонетического, а в необходимых случаях и морфологического принципов, при создании тувинского алфавита был использован и политический принцип — принцип максимального приближения тувинской фонетики и алфавита к русской фонетике и алфавиту с учетом господствовавшей в то время идеи о постепенном формировании единой советской нации и единого языка на основе нивелирования и, возможно, исчезновения национальных языков. Такой подход в значительной мере отрицательно сказался в алфавите в том смысле, что особые звуки тувинского языка не получили своего знака в графике, а в орфографии некоторые, весьма значительные и своеобразные фонетические явления и закономерности были «максимально приближены» к аналогиям русской орфографии. Подобная ситуация до определенного времени создавала лишь некоторые неудобства и отдельные вопросы о степени совершенства действующей тувинской графики и орфографии.

С момента вступления в силу Закона Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» (декабрь 1990 г.), определившего статус тувинского языка как государственного языка Республики Тыва наряду с общефедеральным государственным статусом русского языка, создалось благоприятное условие постепенного расширения общественных

функций тувинского языка и значительно увеличился объем печатной продукции, издаваемой на тувинском языке. Изменившаяся языковая ситуация на первый план выдвинула «дремавшую» необходимость совершенствования тувинской графики и орфографии. Косвенным катализатором и научной основой назревшей реформы явилось завершение комплексного теоретического исследования звуковой системы тувинского языка, которое позволяет максимально бережно и точно осуществить эту далеко непростую задачу (Бичелдей, 2005: 20).

Таким образом, имеются все основания считать, что Тува имеет почти пятнадцативековую историю бытования письменностей разных систем и форм на ее территории и этот процесс завершился созданием в 1930 г. тувинской национальной письменности на латинской основе, ее сменила кириллица, которая и поныне успешно выполняет функцию тувинской национальной письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аранчын, Ю. Л. (1971) Институт за четверть века // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. Вып. 15. Кызыл.
- Бичелдей, К. А. (2000) Бузыкаев и Брюханов – авторы первого учебника тувинского языка на основе русской графики // Башкы. № 5–6. С. 121–123.
- Бичелдей, К. А. (2005) Проблемы совершенствования графики и орфографии современного тувинского языка // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы. Кызыл. С. 20–28.
- Выдрин, А. (2002) Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... [Электр. ресурс] // URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=2005082912590548>
- Кормушин, И. В. (1997) Тюркские енисейские эпитафии. М. Лингвистический энциклопедический словарь (1990) М.
- Материалы по ламскому вопросу в Туве. Рукописный фонд ТИГИ, д.11, лл. 191–196.

- Монгуш, Д. А. (1967) Развитие тувинского языка в советскую эпоху // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. Вып. XII. Кызыл. С. 96 – 107.
- Монгуш, Д. А. (2001) Тувинская письменность (современное состояние и перспективы) // Гуманитарные исследования в Туве. М. С. 3 – 13.
- Татаринцев, Б. И. (2005) 75-летие создания тувинской национальной письменности // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы. Кызыл. С. 17 – 20.
- Татаринцев, Б. И. (1993) К истории изучения тувинского языка (20 – 30-е годы) // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл. С. 18 – 24.
- Татаринцев, Б. И. (2000) К истории создания тувинской письменности. Н. Н. Поппе // Башкы. № 2. С. 71 – 77.
- Тубтен, Л, Бавуу-Сюрюн, М. В. (2000) Использование, бытование тибетского письма в Туве // Становление и развитие науки в Туве. Часть 1. Кызыл. С. 19 – 21.